

УРОКИ АЛЕКСАНДРА МАКАРОВА

ХОТЯ со времени кончины Макарова прошло уже пятнадцать лет, быстрое время отнюдь не наложило на его творчество печать вчерашности, наоборот — читая и перечитывая сейчас двухтомник критика, я невольно думал о том, как современно и своевременно все то, что сделал в своей жизни Макаров. Более того, и в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», и в совсем недавнем партийном постановлении «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства» речь идет именно о такой критике, какую писал Макаров. Добавлю, о такой критике мы все мечтаем и сегодня.

Вспоминается цитата из макаровской статьи о Чехове: «Когда думаешь о Чехове, думаешь о нем прежде всего не как о великом писателе прошлого, а как о близком человеке, и вспоминается собственная жизнь, в которой Чехов был старшим другом, спутником, верным и неизменным. Хочется рассказать о том, кто такой Чехов лично для тебя и для той среды, откуда ты вышел».

И Макаров блистательно рассказывает об этом, как бы открывая Чехова одновременно и для себя, и для нас, и рассказ его волнующ, доступен, современен, он лишен наукообразного академизма, преклонения перед застывшей фигурой классика, он личностен. И вообще, Макаров это не просто критик, это личность, человек, судьба во всей сложности и многообразной связи с литературой и людьми, ее создающими, — мастерами и представителями новых поколений.

Я знал Александра Николаевича около двадцати лет.

Помню, с каким трепетом приступал в середине шестидесятых годов он к работе над одной из самых сильных своих статей «Мир Шолохова». Позади были яркие книги «Воспитание чувств», «Разговор по поводу...», «Серьезная жизнь», глубокий анализ творчества Чехова, Вишневского, Симонова, Балтушиса, Твардовского, Залыгина, Инбер, Исаковского, Смелякова, Лупана, Межелайтиса, молодых в ту пору Рекемчука, Липатова, Семина, Анатолия Иванова, Евтушенко, и вот только тут Шолохов.

Человек, легкий на подъем, да и на труд, особенно когда он захватывал его, Александр Николаевич работал над относительно небольшой статьей о Шолохове мучительно трудно и долго. Лишь я знаю шесть вариантов этой статьи, но на самом деле их было куда больше.

«Мир Шолохова» — это не просто разговор о работе вели-

кого художника, хотя и сам по себе этот разговор важен. К слову замечу, что макаровский анализ прозы Шолохова отличен от всего интересного и важного, что было написано об авторе «Тихого Дона», отличен хотя бы потому, что он построен не столько на характеристике и анализе произведений писателя, сколько на раскрытии природы таланта художника. Именно неповторимость таланта Шолохова раскрывает критик в этой статье, находя свои, макаровские, эмоциональные слова и краски, свои, макаровские, мысли и доводы, выражая свое, личностное, отношение к могучему и многогранному таланту.

Но, может, не менее важно и то, что статья «Мир Шолохова» — это своеобразное кредо критика Макарова, ибо в ней сформулированы его главные мысли о литературе и о правде жизни, которой измеряется настоящая большая литература. Пожалуй, все самое важное, о чем писал и говорил в своей жизни Александр Николаевич, чему посвящены его живые, беспокойные книги, выражено в статье «Мир Шолохова».

«Свойства личного дара Шолохова, обнимающего собою чуть ли не все мыслимые проявления жизни — от общественной стихии до еле уловимого бражного и терпкого духа прошлогодней листвы, — пишет А. Н. Макаров, — эти свойства определили в советской литературе его место писателя эпического, в произведениях которого поэзия и красота неразделимы с мужественной и жестокой правдой и образуют песнь торжествующей жизни».

Защищая «чистое золотое правды» в книгах Шолохова, критик особо подчеркивает партийное бесстрашие художника, исследующего человеческие судьбы на поворотных рубежах истории.

Макаров не боится удивляться феномену Шолохова, не пытается разгадать в нем неразгаданное, ибо особая способность мыслить исключительно образами, как бы живыми явлениями самой жизни, преобразует большого художника из обыкновенного человека в творца, являющего себя в силе и слове.

Изумление и даже восторг перед талантом отличают, пожалуй, все макаровские работы. Думаю, что они отражают и характер самого Александра Николаевича — человека по натуре жизнерадостного, мягкого, доброго.

Но Макаров никогда не был «добрым» критиком. И если в литературе он ценил правду жизни, то в критике у него были единственно верные критерии — честность, прямота, откровенность. Он горячо спорил с Всеволодом Вишневским в оценках так называемой «камерной» драматургии, он не боялся сказать Константину Симонову, что его Сабуров лишен внутреннего развития, а образы политработников менее удаются, он упрекал Галину Николаеву в том, что она не умеет объяснить свою мысль до конца.

Общезвестно, как Александр Николаевич любил и высоко ценил поэзию и прозу Александра Твардовского. Но и здесь, говоря, в частности, о прозе Твардовского, Макаров замечает и обветшалые словечки, и языковые сентиментальности и говорит о своем, несхожем с авторским отношении к тете Зое из «Родины и чужбины».

Одна из лучших статей Александра Макарова посвящена поэзии Исаковского. Сила ее в глубочайшем проникновении в народную суть этой поэзии — новаторской, мыслящей, ли-

рико-гражданственной. Критик закономерно говорит не только о традициях Кольцова и Некрасова, но и о развитии в творчестве Исаковского богатства лирической, патристической, гражданской песни.

«В стихах-песнях Исаковского, — замечает Макаров, — стерты грани между жанрами лирическим и гражданским, и общественное начало в них предстает как лирическое. В этом отличие его творений, равно как и лучших песен других наших поэтов, от песен прошлого: песня, созданная в советской литературе, качественно иная. Определения этому жанру еще не дано и, может быть, простое название — советская песня — является для него пока исчерпывающим определением».

Но тут же, при самых высоких оценках, Макаров мягко критикует «Поезжай за моря-океаны» и с резкой прямотой оценивает поэму «Песня о Родине», в которой автор «вынужден перейти с поэтического языка на язык привычных стандартных определений, чуждых по духу его поэзии».

Особая роль принадлежит Александру Макарову в открытии новых имен, а точнее, в утверждении их в литературе. Он первым заметил и поддержал Александра Рекемчука; Вилла Липатова и Виталия Семина в статье «Серьезная жизнь», написанной в 1960 году, и вернулся к их творчеству вновь в статье «Через пять лет». Диапазон этих статей значительно шире, чем названные имена. В них и Б. Можая, и Геннадий Калиновский, и Вадим Инфантьев, и Владимир Тендрокс. Еще в 1958 году Александр Николаевич одним из первых заметил в «Сибирских огнях» роман Анатолия Иванова «Повитель», угадав в авторе его не только имя, а явление. И, уж конечно, именно Макарову принадлежит «открытие» Виктора Астафьева.

Александр Макаров был чутким и неравнодушен ко всему свежему, даровитому, интересному в текущей литературе. Его волновала поэзия Леонида Вилкомира, Ильи Сельвинского, Халимат Байрамуковой, Евгения Винокурова, Александра Люкина, Василия Казанцева, проза Анатолия Ленского, Всеволода Иванова, Анатолия Ананьева, Даниила Гранина, Георгия Семенова, Миколаса Слукиса, Михайлы Стельмаха, Василия Шукшина, Александра Яшина, книги маститых и относительно молодых критиков — от Виктора Шкловского до Льва Аннинского. Он был блистательным внутренним рецензентом, и мне хочется повторить свои слова, сказанные давно, но сейчас опубликованные в двухтомнике: «Я не знаю другого такого критика, который писал бы такие внутренние рецензии, которые можно публиковать, как талантливые произведения».

Хорошо, что наряду со статьями в новое издание Александра Макарова («Литературно-критические работы» в двух томах. Составление Н. Макаровой. А. Кутейниковой. Издательство «Художественная литература». М. 1982) вошла и часть этих внутренних рецензий, как и некоторые письма Александра Николаевича к друзьям-писателям и высказывания литераторов о работе критика. Двухтомник завершает краткое, но очень емкое послесловие Е. Копылова.

Творческое наследие А. Макарова остается активным участником нынешнего литературного процесса, живым примером для нашей современной критики.

Сергей БАРУЗДИН